Отступления Константинопольского Патриархата от Православия

Статья доцента Сретенской духовной семинарии кандидата богословия протоиерея Вадима Леонова опубликована ***порталом «Православие.ру»****.*

По ходу обсуждения текущего общеправославного церковного кризиса открываются глобальные отступления Константинопольского Патриархата (далее – КП) от Православия. Осознать их в совокупности необходимо, чтобы четко понимать, сколько и какие проблемы предстоит решить. На данный момент вышло много публикаций, в которых на конкретных примерах подтверждается, что константинопольская экклезиология – это разновидность ереси папизма. Однако существуют важные свидетельства и документы, которые открывают иные стороны религиозных взглядов Фанара и дополняют уже известные, но в подробностях еще не изученные. В данной статье рассмотрим три крупных отступления от Православия в современной деятельности КП.

I. Папизм

Папизм выражен во многих текстах и действиях КП на протяжении длительного времени, но с особой выразительностью он представлен в последний период – с сентября 2018 г. по настоящее время. Некоторые свидетельства этого уже разобраны в публикациях специалистов, поэтому мы не станем заново их цитировать, но на их основании перечислим основные проявления папистской ереси в современной жизни КП.

1. **Подмена главенства и первенства Христа в Церкви на главенство и первенство КП.**
2. **Присвоение себе единоличного права высшего безапелляционного суда над священнослужителями всех Поместных Церквей.**
3. **Присвоение себе единоличного права руководства всей православной диаспорой.**
4. **Присвоение себе единоличного права вмешиваться в жизнь Поместных Церквей без их соизволения.**
5. **Присвоение себе единоличного права предоставления автокефалий.**
6. **Присвоение себе единоличного права созыва общецерковных Соборов и совещаний.**
7. **Присвоение себе безошибочности в истолковании догматических истин и канонических норм Церкви.**
8. **Бесконечное самовозвышение себя:** «Великая Церковь Христа», «Мать и родительница всех Церквей», «общая Питательница православных», которая «воплощает подлинный церковный нрав Православия». Без КП «Поместные Церкви будут действовать

"как овцы без пастыря"», потому что «Православие не может существовать без Вселенского Патриархата» и т.д.

9. **Обесценивание автокефалий, возникших после образования КП.**

Последнее положение требует отдельного пояснения, ибо оно раскрылось с особой выразительностью в недавних публичных выступлениях КП, прежде всего, в ответе Патриарха Варфоломея на письмо Предстоятеля Албанской Церкви архиепископа Анастасия[1]. Здесь прорисована константинопольская экклезиология, в рамках которой во главе Церкви стоит КП, на второй ступени – древние Поместные Церкви (Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская и Кипрская), которые должны признавать своим главою КП, а ниже находятся, как сказано в письме: *«Новейшие итак называемые "автокефалии" (Τάνεωστί καί οὕτω καλούμενα "αὐτοκέφαλα")».* Патриарх Варфоломей, по сути, прямым текстом обесценил автокефалии остальных Поместных Церквей, назвав их «так называемыми» и поставив слово «автокефалии» в кавычки, но этим он не ограничился.

В своих дальнейших рассуждениях Патриарх Варфоломей прямо настаивает на «**ошибочности мнения о самодостаточности Поместных Церквей** (ἐσφαλμένης ἀντιλήψεως αὐταρκῶν τοπικῶν ἐκκλησιῶν)». И дальше поясняет: «Автокефалия, изолированная и более чем нужно подчеркиваемая, становится проблематичной, так как не служит той цели, ради которой было принято решение, что она будет полезна». Какова эта цель – становится ясно из последующего рассуждения: «Я убежден, что **автокефальные статусы** (αὐτοκέφαλα καθεστῶτα), при определенных условиях и определенным образом предоставляемые Матерью Церковью для [решения] по временам возникающих жизненных вопросов ее чад по всей Вселенной, **не являются недвижимой и статичной системой, но приспосабливаются к пастырским сегодняшним нуждам** (οὐτυγχάνουσινἀμετακίνητον καί στατικόν σύστημα ἀλλά προσαρμοζόμενον εἰςτάς ποιμαντικάς ἐπιταγάς τῆςσήμερον)».То есть автокефалия – это временный канонический статус Поместной Церкви, который **может меняться по воле КП**, в зависимости от текущих обстоятельств. Это нечто совершенно новое и неслыханное в православной экклезиологии, но полностью соответствующее папистской идеологии КП и тем поступкам, которые совершил Патриарх Варфоломей на Украине. По сути, православное понимание автокефалии им полностью обесценивается. Делается это с одной очевидной целью – подчинить всех православных верующих Константинопольскому «папе».

Еще более выразительно намерение упразднить полноценные автокефалии сформулировано в речи митр. Эммануила (Адамакиса), произнесенной на «интронизации» гр-на Думенко[2]. Он поздравил раскольников с получением долгожданной «внутренней административной **самостоятельности** (τῆςἐσωτερικῆςδιοικητικῶς αὐτοτελείας ἐνταῦθα)», которую противопоставил «священной системе пентархии престолов с **Константинопольским престолом** как **главой всех святых Церквей Божьих**». Далее в речи митр. Эммануила

раскрыта суть нового понимания автокефалии, навязываемого Фанаром мировому Православию. КП якобы «дает различным народам привилегию решать конкретные вопросы жизни Церкви во **внутренней самостоятельности** (ἐνἐσωτερικῇ αὐτοτελείᾳ), не понимая "автокефалию" как духовное и церковное освобождение, а тем более равнодушие, забывчивость и неблагодарность к Матери Церкви, которая предоставила этот статус». Во всем выступлении митр. Эммануила говорится не об автокефалии Церквей, а о «внутренней самостоятельности», и **распространяется это новое понятие не только на Украину, но на все Поместные Церкви**, которые, по мнению КП, совершают «церковный путь**внутренней самостоятельности** (τῆςἐσωτερικῆς αὐτοτελείας)». Завершается речь декларацией о создании на Украине «**внутренне самоуправляемой** Православной Поместной Церкви (ἐνἐσωτερικῶς αὐτοδιοικουμένῃΟρθοδόξῳΤοπικῇ Ἐκκλησία), обязанной этим Высочайшему Вселенскому Константинопольскому Престолу и лично Его Всесвятейшеству Вселенскому Патриарху Варфоломею». В своем выступлении митр. Эммануил ни разу не назвал организованную КП раскольническую структуру на Украине автокефальной церковью, что не вызывает особых переживаний, но важно другое: здесь **произведена подмена принципа автокефалии на принцип «*внутренней самостоятельности*» для всех Поместных Церквей** с очевидной целью – лишить их независимости от КП и локализовать их во внутренних границах своих национальных государств. Очень надеюсь, что иерархи мирового Православия заметят эти экклезиологические «изобретения» КП и дадут им должную оценку, пока фанарские теологи не стали употреблять эту подмену понятий как само собой разумеющуюся.

Попытки подчинить себе Поместные Церкви и предоставить им под видом автокефалии вассальный статус предпринимались КП и раньше, но их удавалось успешно нейтрализовывать. Например, в первоначальной Грамоте об утверждении Московского Патриархата в 1590-м г. говорится, что Русский Патриарх должен «поминати наше имя и иных, а в головах и началех держати и почитати апостольский престол Константинопольский как и иные Патриархи (χρεωστῶνμνημονεύεινἡμῶντοῦὀνόματος καὶ τῶνλοιπῶν, καὶ κεφαλὴν αὐτοῦ καὶ πρῶτονἔχειν καὶ νομίζειντὸν ἀποστολικὸνθρόνονΚωνσταντινουπόλεως, ὡς καὶ οἱλοιποὶ ἔχουσι, [πατρι]άρχαι)»[3]. Сразу после получения в Москве этого документа церковные иерархи обнаружили в нем массу недостатков. Вскоре, в 1593-м г., чтобы их исправить, в Константинополе был созван новый внушительный Собор Восточных иерархов, представлявших полноту Православной Церкви того времени, в котором участвовали Патриархи Константинопольский, Александрийский (временно управлявший тогда Антиохийской кафедрой) и Иерусалимский. Собор утвердил возведение Предстоятеля Русской Церкви на патриарший престол. Участники Собора в своем итоговом Постановлении полностью отказались от доминантных константинопольских формулировок первоначальной Грамоты и постановили, что Московский Патриарх должен «быть и называться **братом православных Патриархов**, по силе сего наименования, **сочинным и сопрестольным и равным по сану и достоинству**»[4]. Здесь уже нет никакого подчинения, а

отношения выстраиваются по равноправному, братскому принципу. Московский Патриарх «равен по сану и достоинству» всем Восточным Патриархам, а значит, и Константинопольскому. Этим окончательным соборным Постановлением Русская Церковь руководствуется и по сей день. Таким образом, данная попытка КП навязать папистские отношения была устранена.

По логике Фанара, вся вероучительная, каноническая, судебная, административная деятельность в мировом Православии должна контролироваться и управляться их иерархами, без санкции которых ничего не имеет силы. Активное продвижение этой авторитарной системы стало главной причиной современного церковного кризиса[5]. Если бы у Русской Православной Церкви и Украинской Православной Церкви была возможность призвать к ответственности Патриарха Варфоломея в рамках Вселенского Собора или общецерковного суда (не подчиненного КП), то разрыв евхаристического общения не понадобился бы. Но так как все возможные средства урегулирования кризиса узурпированы Фанаром, то разрыв евхаристического общения остался единственным способом выразить на общецерковном уровне радикальное возмущение и несогласие с разбойничьими действиями КП. Очевидно, что без устранения этой папистской экклезиологической модели и восстановления соборности в принятии общецерковных решений нынешний раскол – это только начало мирового кризиса Православия, потому что никто и никогда не захочет стать элементом тоталитарной структуры, создаваемой Фанаром[6].

II.Новое константинопольское богословие

В отличие от католиков, которые выстроили свою концепцию первенства на основе якобы особых привилегий апостола Петра, который будто бы передал их исключительно римским епископам, у КП нет подобных псевдоисторических аргументов. Хотя КП и называет себя «Апостольским престолом», большинство историков убеждены, что в I веке в небольшой приморский городок Византий едва ли заходил кто-либо из апостолов. И уж тем более они не основывали там церковной кафедры.

28 правило IV Вселенского Собора, на которое любят ссылаться представители КП, также не дает убедительных аргументов для превозношения Константинополя над другими Поместными Церквами в наше время: «Град, получивший честь быть градом царя и синклита (сената) и имеющий равные преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах возвеличен будет подобно тому, и **будет второй после него**». В каноническом постановлении статус КП четко увязан с наличием православного императора и органов его власти в Константинополе. Ветхий Рим пал, а Константинополь уже давно превратился в Стамбул, где почти шесть столетий нет ни православного царя, ни сената, а значит, и приведенные статусные аргументы КП утратили значимость.

Чтобы как-то обосновать папистские претензии на первенство, теологи КП стали разрабатывать новый богословский подход в области триадологии и экклезиологии. Согласно православному учению, в жизни Церкви в определенном смысле представлен образ Бога Троицы – множество личностей в единой природе. Иерархи КП взялись разработать триадологическую концепцию, где Лицо Бога Отца выделяется как первенствующее над двумя другими Божественными Лицами, и спроецировать это учение на жизнь Церкви. Если обосновать главенство Отца над Сыном и Духом, то это можно будет интерпретировать как подтверждение правомочности константинопольского главенства над Поместными Церквами.

Для этого константинопольскими богословами используется святоотеческое понятие о единоначалии (монархии) в Боге Троице. В традиционном православном изложении это понятие означает, что Отец является предвечным источником ипостасного бытия для Сына Божия и Святого Духа, однако без какого-либо превосходства или первенства по Божеству, славе, чести, силе, власти или иным Божественным свойствам. Согласно православному учению, Троица является равночестной и единосущной, а **единоначалие Отца – это не первенство Отца, оно не образует иерархию лиц Пресвятой Троицы.**

Современные константинопольские богословы, прежде всего митр. Иоанн (Зизиулас), которому в наибольшей степени принадлежат «лавры» разработчика новой триадологии и соответствующей экклезиологии, сформулировали понятие о монархии Отца так, что вправе поставить вопрос, не являются ли эти взгляды разновидностью субординатизма и монархианской ереси одновременно? В изложении митр. Иоанна Бог Отец не просто источник ипостасного бытия для Сына и Духа, но имеет особое первенство в Троице: «Существует определенный порядок или τάξις в Троице, ибо **Отец всегда находится на первом месте**, на втором – Сын, а третьим является Дух **во всех библейских и святоотеческих упоминаниях Святой Троицы**»[7]. Эту же мысль повторяет митр. Элпидофор (Ламбриниадис) в своей статье, вызвавшей большие споры, «Primus sine paribus [Первый без равных]», посвященной апологии первенства КП, где также отстаивается особый «богословский порядок» в Троице: «Церковь всегда и систематически понимала личность **Отца как Первенствующего в общении лиц Святой Троицы**»[8].

В своих рассуждениях известные константинопольские богословы допускают грубую богословскую ошибку. В библейских триадологических цитатах только в одном месте (Мф. 28, 19) соблюден указанный порядок (τάξις). В других свидетельствах Священного Писания порядок иной. Например, в знаменитом триадологическом благословении апостола Павла, которое стало литургическим возгласом, на первом месте находится Сын, на втором – Отец, на третьем – Дух: «Благодать **Господа нашего Иисуса Христа**, и любовь **Бога Отца**, и общение **Святаго Духа** со всеми вами» (2 Кор. 13, 13). Есть у апостола Павла цитата, где на первом месте указывается Святой Дух, а на последнем – Отец: «Дары различны, но **Дух** один и тот же; и служения

различны, а **Господь** один и тот же; и действия различны, а **Бог** один и тот же, производящий все во всех» ((1 Кор. 12, 4–6). У апостола Петра, при перечислении Божественных Лиц, на втором месте Дух, а на третьем Сын: «По предведению Бога **Отца**, при освящении от **Духа**, к послушанию и окроплению Кровию **Иисуса Христа**: благодать вам и мир да умножится»(1 Пет. 1, 2). Апостол Павел именует Христа «во всем **первенствующим**(ἐν πᾶσιν αὐτὸς πρωτεύων)» (Кол 1. 17–18), не считая, что этим первенством Он как-то умаляет Отца. Так что указанный митр. Иоанном порядок отнюдь не узаконен в Священном Писании.

Что касается святых отцов, то они остерегали христиан от иерархического или онтологического прочтения порядка употребления Божественных Имен. Например, святитель Афанасий Александрийский говорит о Сыне Божием: «Как Отец есть первый, так и Он первый»[9]. Святитель Григорий Богослов отвергал любое превознесение Лиц в Троице: «Готов бы я назвать большим Отца, от Которого и равенство имеют Равные, так же как и бытие... но боюсь, чтобы Начало не сделать началом меньших и не оскорбить предпочтением. Ибо нет славы Началу в уничижении Тех, которые от Него»[10]. Преподобный Симеон Новый Богослов специально посвятил этой теме свое Первое богословское слово, где прямо говорит: «**Назвать Отца первым мы не можем**, дабы не умножать число, разделяя единое и неделимое Божество на трех Богов. Ибо о нераздельной и неслитной Троице невозможно помыслить или сказать ни "первый", ни "второй", ни "третий", ни "больший", ни "меньший"... **Отец не является первым, хотя Он и причина Сына, ни Сына нельзя называть вторым, хотя Он и от Отца, ни Духа Святого – третьим, хотя Он и исходит от Отца**»[11]. Рамки небольшой статьи не позволяют дать исчерпывающий обзор святоотеческих рассуждений[12], но вывод очевиден: утверждение, что Отец имеет особое первенство в Троице, не только не подтверждается, но входит в прямое противоречие со Священным Писанием и святоотеческим учением Церкви.

По своей сути идея о первенстве Отца над Сыном и Духом противоречит православному учению о равночестии Божественных Ипостасей, закрепленном в Символе веры, где Церковь исповедует Святого Духа «со Отцем и Сыном спокланяема и сславима», т.е. поклоняемого и прославляемого так же, как Отца и Сына. Если Отец первенствует над Сыном и Духом, то это является субординатизмом, давно отвергнутым Церковью. Если же авторы нового учения согласны с равночестием Лиц Пресвятой Троицы, то они должны отказаться от своих спекуляций и, проецируя троичное равночестие на церковную жизнь, исповедовать соответствующее равночестие православного епископата. Тогда не то что о первенстве власти, но даже о константинопольском первенстве чести не может быть и речи, а об иерархическом прочтении диптихов надо забыть навсегда.

Митр. Иоанн (Зизиулас) не обращает внимания на свидетельства Священного Писания и святых отцов, которые опровергают его концепцию, и развивает свою аналогию между Троицей и

Церковью так, что на региональном уровне образом Бога Отца якобы является епископ: «Как в Троице, высшее бытие Бога – движение Отца к Сыну и Духу, которое возвращается, наконец, к личности Отца, так и в Церкви, все перемещается от служения, отражающего и изображающего Отца [епископа – В.Л.], к остальным членам»[13]. В его экклезиологии Церковь имеет однозначный «епископоцентричный характер»[14]. Епископ предстает в виде ключевого посредника между людьми и Богом, ибо только через него можно «возвратиться к "Отцу, иже еси на небесех"»[15], и он же соединяет собой общину верующих со Вселенской Церковью, находясь в общении с епископами других Церквей. Епископ является объединяющим центром местной общины, в нем сходятся и от него исходят все харизматические дары. Евхаристия на приходах является лишь «продолжением епископской евхаристии»[16]. Поэтому именно епископ, согласно учению митр. Иоанна, является гарантом кафоличности местной церковной общины[17] и «критерием церковности кого-либо. Иными словами, епископ решает, является какое-либо лицо членом Церкви, или не является»[18].

В этой экклезиологической модели хотя и декларируется единство «одного» и «многих», но в реальности полнота свободы и все права принадлежат «одному» епископу, а у «многих» есть лишь право – соглашаться с ним, и отсутствует возможность возразить, не рискуя быть удаленным из общины. Процедура критической рецепции епископских решений митр. Иоанном не предусмотрена. Общение, о котором автор много теоретизирует в своих сочинениях, в реальном выражении оказывается дорогой с односторонним движением. У прихожан есть возможность отвечать лишь «аминь» и «аксиос» на каждое епископское действие, или же они рискуют стать отверженными. По сути, митр. Иоанном выстроена тоталитарная модель церковной общины, жестко замкнутая на личность лидера, где рядовые члены не имеют подлинной богодарованной свободы. Они призваны осознавать себя как элементы «корпоративной личности» Христа и функционировать в пределах епископского благоволения.

Эта местная экклезиологическая модель проецируется митр. Иоанном на вселенский уровень, где также должен быть первенствующий епископ: «Церковь, которая неспособна говорить "едиными устами", не является истинным образом Тела Христова. Православная система автокефалий нуждается (и фактически имеет) в некоторой форме первенства, которая позволяла бы ей "работать"»[19]. Обладателем этого «первенства» в Церкви является не Христос. Митр. Иоанн считает, что универсальное церковное первенство принадлежит епископу Рима, но в силу возникших злоупотреблений оно перешло Константинопольскому престолу[20]. Еще более выразительно богословскую спекуляцию о первенстве в Церкви, с опорой на новую константинопольскую триадологию, развивает митр. Элпидофор (Ламбриниадис): «Если же мы будем говорить об **источнике первенства во Вселенской Церкви, то таким источником является тот самый архиепископ Константинопольский**, который как архиерей является первым "среди равных", но как **архиепископ Константинопольский является первым**

иерархом без равных (primus sine paribus)»[21].

По сути, мы имеем дело с масштабной сознательной богословской манипуляцией, где искажается догмат о Боге Троице, игнорируются «неудобные» свидетельства Священного Писания и святых отцов, переписывается учение о Церкви с одной целью – оправдать стремление Константинопольского Патриарха стать «папой» мирового Православия[22].

Новое константинопольское богословие еще ждет своего подробного анализа[23], но уже сейчас можно констатировать, что оно формулирует ряд идей, которые в корне несовместимы с вероучением Православной Церкви. Известный французский православный богослов Жан-Клод Ларше написал специальную работу с критическим разбором персонализма митр. Иоанна (Зизиуласа) и Х. Яннараса[24], где отмечает, что «оригинальность» их рассуждений имеет далеко идущие негативные последствия во многих богословских сферах. Он считает, что «персонализм Зизиуласа, как и Яннараса[25], представляется основанным на предании святых отцов, в частности, каппадокийцев. Но на самом деле это иллюзия, что очевидно для всех серьезных патрологов. Данная теория опирается на современную персоналистическую русскую (Бердяев), еврейскую (Бубер и Левинас) и Римо-Католическую (Муньеи Недонсель) философии, а также философский экзистенциализм (Бердяева) и атеизм (Хайдеггера, Сартра). Основная идея этой теории состоит в том, что личность онтологически предшествует сущности или природе, по слову Сартра: "Существование предшествует сущности". Первоначально Яннарас, а затем и вдохновленный им Зизиулас представили свою теорию в качестве православного ответа западной теологии, которая якобы выступает за сущность (природу) в ущерб личности. Но вскоре их концепция превратилась в замкнутую систему, в схоластику, где личность превознесена и украшена всеми положительными качествами, тогда как сущность (природа) совершенно лишена значения. Кроме того, Яннарас и Зизиулас превратили личность в синоним свободы, а природа стала у них отождествляться с необходимостью (так же и в Боге!). Можно констатировать, что для всех без исключения ересей о Святой Троице и Христе характерно нарушение равновесия между личностью (ипостасью) и природой (сущностью, эссенцией). Православная же Церковь, ценой серьезной богословской борьбы и мученичества, веками хранит в своем учении о Божестве тонкое равновесие. Нарушая этот баланс, отдавая личности полный приоритет, Яннарас и Зизиулас создали новую ересь "противников природы". А церковная история свидетельствует, что при повреждении того или иного догмата искажаются и иные положения вероучения. То есть любая ересь содержит в себе множество других ересей (порой противоречащих друг другу!). Поэтому неудивительно, что многие православные богословы замечают в концепции Зизиуласа следы монархианства, тритеизма, несторианства, докетизма, моноэнергизма и монофелитства.

Кроме того, Зизиулас отрицает православное богословие Божественных энергий и разделяет взгляды ряда католических "теологов", находящихся под влиянием томистского учения,

смешанного с персонализмом, отвергающих православное понятие об обожении (в этом он признался на недавней встрече в Белграде, посвященной прп. Максиму Исповеднику). Теорию Зизиуласа критикует большинство современных православных богословов и патрологов, она находит сторонников в лице лишь некоторых сербских владык и американских "теологов". Один из них недавно использовал зизиуласовский персонализм для "открытия двери" гомосексуальности, утверждая, что каждая личность имеет право на свободу выбора по отношению к естественному детерминизму. Из этого становится понятно, куда ведет такая еретическая доктрина»[26].

III. Национализм и расизм

КП давно претендует на вселенский статус, и кажется, что это должно побуждать его представителей уклоняться от жесткого отождествления себя с какой-либо нацией. Однако в действительности представители КП и сам Патриарх Варфоломей в своих выступлениях с каждым годом усиливают национальную риторику, не просто подчеркивая какой-то особый греческий статус, но открыто отстаивая этническое превосходство греческой нации над другими православными народами. Провозглашается первенство эллинизма в Православии, наряду с первенством КП, а все остальные народы должны признать это и с почтением подчиниться. Приведем несколько примеров.

Митрополит Хризостом Закинфский в своей статье «Две главные опасности» формулирует идею о том, что КП и греческой нации угрожает не только католичество (первая опасность), «но и славянство и славянские православные Церкви под покровительством Русской Патриархии». Дальше он переходит к угрозам и говорит: «Если славянские народы забыли, что греки дали им культуру и что они приняли свет христианской веры от христианского светильника греческой Византии через греческих миссионеров, и что поэтому они должны из благодарности отдавать должное **почтение и благосклонность греческой расе**, которая их воспитала и просветила, а не проявлять себя низкими и неблагодарными неприятелями, то всеправославное сознание смятет их мрачные и вероломные планы»[27]. По сути, декларируется расизм в прямом смысле слова, следуя которому, все негреческие православные народы должны испытывать комплекс неполноценности перед греками и осознавать себя в сравнении с ними варварами и православными второго сорта.

Можно было бы считать эту статью досадным недоразумением из прошлого, но **Патриарх Варфоломей** совсем недавно (22.10.2018) выразился не менее националистично: «наши братья славяне не могут терпеть **первенство**Вселенского Патриархата и **нашего народа** в Православии»[28]. Предстоятель КП пытается перевести обсуждение идеи «первенства» из экклезиологической плоскости в националистическую, не утруждая себя ссылками на конкретные свидетельства для подтверждения высказанного им абсурда.

Еще печальнее, что подобные церковно-националистические и расистские идеи были высказаны некоторыми **представителями афонских монастырей** на киноте 11 февраля 2019 г.: «**Эллинизм** и Вселенская Патриархия имеют **первенство** в Православии»[29], «Как афониты, мы не потерпим, чтобы кто-нибудь унижал **Эллинизм** и Вселенскую Патриархию»[30]. То есть отстаивание первенства эллинизма в Церкви – это принципиальная позиция некоторых представителей КП, они считают это истиной и не видят здесь грубейшего церковного национализма. Оставим за скобками тот факт, что эллинизм – это, по сути, языческая греческая дохристианская культура, которая во многом противостояла апостольской проповеди. Зададимся более важным вопросом – о каком межправославном центре в Константинополе может вестись речь, если его представители во главу угла ставят национализм и стремятся использовать церковные возможности для обоснования и реализации этнического превосходства над иными православными народами?

Еще боле шокирующим событием стало **заявление представителей четырех афонских монастырей** (Великой лавры, Иверского, Кутлумуша и Нового Эсфигмена) от 28 февраля 2019 года, где они выразили свое отношение к украинской «автокефалии» и другим церковным событиям[31]. Попытку легализации украинских раскольников и самосвятов, осуществленную КП папистскими методами, с попранием догматов и канонов Церкви, спровоцировавшей захват храмов канонической Украинской Православной Церкви, жесткое государственно-административного давление, угрозы физической расправы и факты реального избиения прихожан и священнослужителей УПЦ, представители указанных афонских монастырей назвали «ещё одним крупным вкладом во всемирное шествие нашей непорочной веры и важным **братолюбивым и мирным успехом греческого православного духа**, который, несомненно, всегда вносит положительный вклад в служение Православию, являясь его выражением и сам будучи выражаем им»[32]. Может быть, авторы данного заявления абсолютно не осведомлены или дезинформированы о происходящем на Украине, но если это не так, то перед нами вопиющее проявление бесчеловечного цинизма, замешанного на грубом национализме. После обнародования этого документа ряд афонских монастырей и монахов выступили против его содержания, поэтому мы не вправе отождествлять эту уродливую точку зрения со всеми представителями Афона[33], однако наличие этой болезни в юрисдикционном пространстве КП очевидно, и самое печальное, что ее развитие не пресекается, а сознательно используется для самоутверждения КП.

Итак, перед нами прямые свидетельства, подтверждающие наличие откровенного церковного национализма – идеологии превосходства и первенства греческой расы (нации) над всеми остальными народами, входящими в Православную Церковь. Складывается впечатление, что авторы процитированных высказываний незнакомы со Священным Писанием, где ясно сказано,

что во Христе «**нет различия между Иудеем и Еллином**, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его» (Рим. 10, 11–12), что «все мы одним Духом крестились в одно тело, **Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом**» (1 Кор.12, 12–13), что во Христе «**нет ни Еллина, ни Иудея**, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3, 11).

Авторы указанных церковно-националистических высказываний пытаются представить себя оппонентами некоторых личностей в Церкви, которые якобы навязывают превосходство другой нации в Православии, но весьма затрудняются привести убедительные официальные примеры. Понятно, что на бытовом и политическом уровне в каждом народе, в том числе и среди людей, считающих себя православными, можно найти националистов и расистов, но Церковь всегда была выше этого, однако похоже, что мы переживаем иные времена. Для КП национализм стал важным инструментом церковных манипуляций, и отказываться от этого он не намерен.

Если же кому-либо очень хочется, при всей абсурдности и безнравственности данного замысла, составить «диптих» наций, исходя из вклада каждого народа в жизнь Церкви, то на первом месте должны быть не греки и, разумеется, не славяне, а народ, в котором родился наш Господь Иисус Христос по плоти, откуда произошла Его Пречистая Матерь и апостолы, авторы Священного Писания, из представителей коего образована первая христианская община в Иерусалиме, продолжением которой является наша Единая, Святая и Соборная Церковь. Но надеемся, что до ранжирования наций Православная Церковь никогда не опустится, несмотря на все провокационные высказывания представителей и сторонников КП, потому что истинное родство с нашим Спасителем образуется не за счет национальной принадлежности, но по Его слову: «кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и матерь» (Мк. 3, 35).

Можно с радостью отметить, что, вопреки открытому использованию представителями Фанара националистических тем, данные рассуждения не находят широкого отклика в сердцах большинства наших греческих братьев по вере. Наоборот, эти провокации вызывают искреннее и справедливое возмущение. Это знают все, кто бывает в Греции и поддерживает личные контакты с греческими друзьями-единоверцами. Наглядным подтверждением неэффективности националистических инструментов влияния является тот факт, что за прошедшие месяцы **после квази-легализации Патриархом Варфоломеем украинских раскольников ни одна Поместная Церковь, включая грекоязычные, не признала это беззаконие**. Более того, немало греческих иерархов, священнослужителей и монахов выступили с открытой критикой Фанара и лично Патриарха Варфоломея, доказывая тем самым, что благодатное единство верующих во Христе-Спасителе сильней национальных различий – это и есть подлинное свидетельство истинности Православия.

Подводя итог, отметим, что три указанные проблемы тесно связаны между собой. Церковный национализм иерархов КП порожден их имперским самосознанием, имеющим вековые корни. Представители Фанара мыслят себя наследниками и продолжателями Римской империи, а другие народы воспринимаются ими до сих пор как их должники, которые в качестве благодарности должны проявлять к ним беспрекословное послушание. Поскольку реализовать имперские амбиции в политическом аспекте абсолютно невозможно, то они перенесли их реализацию в церковную среду, что выразилось в активном продвижение идеологии константинопольского папизма и стремлении подчинить себе Православную Церковь во всем мире. Так как богословская база для обоснования этой экклезиологической ереси отсутствует, то ряд теологов КП взялись ее разработать путем деформации важнейших догматов Православной Церкви. Взаимосвязь указанных отступлений КП от Православия важно осознавать комплексно, чтобы решение этих проблем было всецелым. Выход из сложившегося кризиса возможен только через созыв общеправославного Собора, однако подготавливать его решения надо сейчас, в том числе и через внимательный анализ происходящих событий, текстов, выступлений, невзирая на лица и помпезные титулы, чтобы место Главы Церкви принадлежало Тому, Кто ее основал, а не тому, кому очень хочется.

Протоиерей Вадим Леонов,
кандидат богословия,
доцент Сретенской духовной семинарии

19 апреля 2019 г.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/46444/